

Чжо Цяньяо сидел на длинной галерее, наблюдая, как моросящий дождь срывается с карнизов, сплетаясь в бесконечные нити. Целый месяц он пробыл здесь и, наконец, полностью свыкся с мыслью, что попал в иное измерение. Он мог смириться с тем, что оказался в вымышленной исторической эпохе.

Но с чем он никак не мог примириться, так это с тем, что, едва появившись здесь, сразу стал евнухом!

Чжо Цяньяо с горечью размышлял: он, образцовый представитель двадцать первого века, парень нетрадиционной ориентации, просто хотел встретиться с человеком, с которым познакомился в сети. И надо же было такому случиться — попал под машину! А очнулся уже распластанным на столе в палате кастрации. Главный евнух, скрипучим голосом осведомившись о его имени, взмахнул ножом...

На самом деле, Чжо Цяньяо даже не осознал, как это произошло: стоило лезвию коснуться плоти, как он потерял сознание. Очнулся он уже забинтованный, с невыносимой, раздирающей болью.

Резкий, пронзительный голос вывел его из задумчивости:

— Господин Чжо, доколе вы будете витать в облаках? Сегодня ваша очередь заступать на службу, живо во дворец Чанъань! Опоздаете — не взыщите, если спину покроют рубцы от палок!

Чжо Цяньяо, не скрывая пренебрежения, закатил глаза и неспешно поднялся. Его переполняла ярость: эта эпоха была донельзя бесчеловечной. Едва придя в себя после операции, он всего семь дней лежал в кровати, как его тут же потащили учить правила, а затем определили во дворец Чанъань.

Мужчина, сидевший за столом и просматривавший донесения, был правителем этой эпохи — Цзин Мошэнь. Невероятно красивый: высокий лоб, суровые, мужественные брови, прямой нос, плотно сжатые тонкие губы, глубокий взгляд и изящные веки.

Впервые увидев Цзин Мошэня, Чжо Цяньяо долго не мог отвести глаз, но сразу решил: такой красавчик наверняка редкостный негодяй! И точно — не успел он оправиться от ран, как его заставили прислуживать, подавать чай и воду. Совершенно бесчеловечно!

Будучи парнем новой формации, Чжо Цяньяо не собирался пресмыкаться перед кем бы то ни было.

— Подай мне другой чай, — Цзин Мошэнь потер переносицу. Чжо Цяньяо был самым необычным евнухом из всех, кого он встречал: никакой лести, никакой покорности, в глазах вечно сквозило высокомерие.

Белоснежная кожа, четкие, выразительные черты лица — казалось, само небо тщательно вытачивало каждую деталь. Столь прекрасное создание вместо того, чтобы попасть в гарем, оказалось в палате кастрации. Поистине, расточительство.

— Слушаюсь, Ваше Величество! — сквозь зубы процедил Чжо Цяньяо и специально с грохотом поставил чашку перед Цзин Мошэнем. От резкого движения несколько капель чая брызнули императору на лицо.

— Жить надоело? — лицо Цзин Мошэня помрачнело.

Чжо Цяньяо вызывающе вскинул подбородок:

— Прощу, Ваше Величество, прикажите казнить меня. Кстати, в вашу эпоху ведь наверняка есть способ уйти из жизни без лишних страданий?

Неизвестно почему, но гнев Цзин Мошэня внезапно утих:

— Раз ты так стремишься умереть, почему не покончишь с собой?

Чжо Цяньяо, не церемонясь, закатил глаза:

— Я-то хочу, но знаете ли, для самоубийства нужна храбрость, понимаете?

— Дай мне причину, — даже муравей цепляется за жизнь, и императору было невдомек, почему Чжо Цяньяо так жаждет смерти.

— Может быть, умерев здесь, я вернусь в свое время, — в красивых глазах Чжо Цяньяо вспыхнула надежда.

— Государство Цзин не такое уж маленькое, как тебе кажется. Не обязательно ради этого умирать, — будучи владыкой Цзин, он сам не понимал, почему завел столь долгий разговор с обычным евнухом.

— Я не из вашего мира, я пришел из времени спустя тысячи лет. Впрочем, неважно, вы все равно не поверите.

— Спустя тысячи лет? — столь нелепое заявление вызвало у Цзин Мошэня усмешку. — И как же ты совершил путешествие на тысячи лет назад?

— Полагаю, в моем мире я уже мертв, — с досадой отозвался Чжо Цяньяо. Ему ведь было всего двадцать! Мир несправедлив: взять хотя бы этого императора, которому всего двадцать два, а у него такая внешность и абсолютная власть!

— Если так, то твое тело должно быть уже погребено. Понимаешь, что я имею в виду? — произнес Цзин Мошэнь, не отрываясь от бумаг.

Чжо Цяньяо охватило бесконечное уныние. Какое еще погребение! Хорошо, если он просто в коме, а что, если его раздавило грузовиком в лепешку...

<http://bllate.org/book/20229/2014331>